УДК 35.07+004.7
Оригинальная научная статья EDN WGJEDB

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Н.В. Михайлова, С.А. Степанов, В.Ю. Зорин, Е.А. Иванова
Российский университет дружбы и народов имени Патриса Лумумбы,
адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Поступила в редакцию 18.03.2026

Поступила после рецензирования 22.05.2026

Принята к публикации 29.06.2026

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности процесса цифровизации и цифровой глобализации, становление искусственного интеллекта (ИИ), которые не только являются направлениями научно-технического прогресса, содержащих в себе колоссальный потенциал для повышения управленческой эффективности, социального комфорта и экономического роста, но и несущих в себе определенные риски и угрозы обществу. Авторы статьи обосновывают, что в этой сфере наблюдается фактическое замещение традиционных информационно-коммуникационных субъектов нейросетевыми актантами, которые не только продуцируют и поставляют различного рода информацию, но и становятся «доверенными лицами» в контексте представительства интересов граждан, социальных слоев и групп населения.*

Цель представленной работы *– определиться с особенностями современной цифровой реальности, выделить ключевые факторы ее развития, а также представить основные риски и угрозы, которые она несет в себе.*

Методы. *В качестве методов исследования были использованы такие методы, как контент-анализ и дискурс-анализ,*

Результаты. *На основе анализа процессов цифровой глобализации и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) авторами исследована проблематика таких явлений (феноменов), как «пузырей фильтров», эхо-камер, рассмотрены примеры манипуляции обществом со стороны социальных сетей и ИТ-корпораций. В статье указывается на опасность формирования цифрового тоталитаризма и роли ИИ в этом процессе. Авторами также сформулированы имеющиеся противоречия в обеспечении общественно-политической коммуникации индивидов и социальных групп, предложены пути разрешения данных противоречий с использованием технологий и инструментов межинституционального взаимодействия.*

Заключение. *Авторы в рамках своего исследования доказали положение, что в конечном итоге доминирующей оказывается проблематика формирования доверия между обществом и государством, а также определения базовых зон распределения ответственности сторон.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые риски, «пузыри фильтров», эхо-камеры, цифровой тоталитаризм, риски ИИ, государственное управление*

Финансирование: *данное исследование выполнено без внешнего финансирования*

Для цитирования: Михайлова Н.В., Степанов С.А., Зорин В.Ю., Иванова Е.А. Риски цифровизации и проблемы государственного управления в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. –2026. –Том 21. –№.2. –С. 30-50. EDN WGJEDB

© Михайлова Н.В., Степанов С.А., Зорин В.Ю., Иванова Е.А., 2026

Original article EDN WGJEDB

RISKS OF DIGITALIZATION AND PUBLIC ADMINISTRATION PROBLEMS IN MODERN CONDITIONS

N.V. Mikhailova, S.A. Stepanov, V.Yu. Zorin, E.A. Ivanova
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
address: 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198

Received 18.03.2026

Revised 22.05.2026

Accepted 29.06.2026

Abstract. *The article examines the features of the digitalization process and digital globalization, as well as the development of artificial intelligence (AI), which are not only areas of scientific and technological progress that hold enormous potential for improving managerial efficiency, social comfort, and economic growth, but also carry certain risks and threats to society. The authors argue that in this sphere, there is a virtual replacement of traditional information and communication actors with neural network actors, which not only generate and supply various types of information but also become "trusted representatives" in the context of representing the interests of citizens, social strata, and population groups. The purpose of the article is to define the characteristics of modern digital reality, identify the key factors driving its development, and outline the main risks and threats it poses.*

Methods. *To conduct the research, the authors used content and discourse analyses.*

Results. *Based on the analysis of the processes of digital globalization and the introduction of artificial intelligence (AI), the authors investigated the problems of such phenomena as "filter bubbles", echo chambers, and considered examples of manipulation of society by social networks and IT corporations. The article points out the danger of the formation of digital totalitarianism and the role of AI in this process. The authors also formulated the existing contradictions in ensuring socio-political communication of individuals and social groups, and proposed ways to resolve these contradictions using technologies and tools of interinstitutional interaction.*

Discussion*. Within the framework of the study, the authors demonstrated that, ultimately, the dominant issue is the formation of trust between society and the state, as well as the identification of the basic areas for distributing responsibility between the parties.*

Keywords: *digitalization, digital risks, filter bubbles, echo chambers, digital totalitarianism, AI risks, public administration*

Funding: *This research received no external funding*

For citation: Mikhailova N.V., Stepanov S. A., Zorin V.Yu., Ivanova E.A. (2026) Risks of Digitalization and Public Administration Problems in Modern Condition. *Central Russian Bulletin of Social Sciences.* Volume 21. no. 2. p. 30-50. EDN WGJEDB

© Mikhailova N.V., Stepanov S. A., Zorin V.Yu., Ivanova E.A., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация – это глобальный процесс внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества – от государственного управления и экономики до частной жизни граждан. Этот процесс несет в себе колоссальный потенциал для повышения эффективности, удобства и экономического роста. Однако он же создает беспрецедентные инструменты для контроля, что порождает серьезные опасения относительно рисков установления тотального контроля над личностью. Актуальная проблематика формирования и конституирования новой цифровой реальности непосредственно связывается с появлением и распространением нескольких групп факторов. В данной связи речь идет как минимум о следующих основных факторах: во-первых, об общих тенденциях распространения современных ИКТ и цифровизации информационно-коммуникационного пространства (внедрение новых цифровых технологий и технологий в повседневные практики общения); во-вторых, об обновленных действующих политических ценностях и смыслах исходя из системы новых требований инклюзивной социальной среды, в-третьих, о технологиях управления общественно-политическими коммуникациями в рамках появления новых разновидностей цифровой пропаганды, цифровой сетевой архитектуры и т. д. [1]

Базовой инфраструктурой для цифровизации служит Интернет. Именно он обеспечивает мгновенную связь, обмен данными и доступ к глобальным сервисам. Общеизвестно, что Интернет обязан своим появлением соперничеству великих держав в период холодной войны. Министерство обороны США посчитало, что Америке нужна надёжная система передачи информации в условиях представлявшейся неизбежной ядерной войны. Агентство по перспективным научно-исследовательским разработкам (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA) США предложило разработать для этого компьютерную сеть, которая была названа ARPANET. В октябре 1969 года был запущен первый сервер ARPANET и был проведен первый сеанс связи между Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе и Стэнфордским исследовательским институтом, в 1971 г. через ARPANET было отправлено первое электронное письмо. Превращение Интернета из закрытой научной сети в общедоступную систему произошло в 1991 году благодаря международной исследовательской организации CERN. Сотрудник этой организации британский ученый Тим Бернерс-Ли представил первую концепцию Всемирной паутины, которая включала в себя гипертекстовые документы, связанные между собой гиперссылками. Он же разработал первый веб-сервер и браузер, а в 1991 году выпустил программное обеспечение для Всемирной паутины, которое стало доступно для коллег в CERN. В апреле 1993 года CERN объявил, что программное обеспечение Всемирной паутины будет доступно в общественном достоянии, что способствовало его распространению и популяризации.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

С этого момента началось триумфальное шествие Интернета по миру. В течение первых пяти лет своего существования Интернет достиг аудитории свыше 50 миллионов пользователей. Для сравнения отметим, что радио для этого понадобилось 38 лет, телевидению – 13, кабельному телевидению – 10.

[1] См.: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 474–494.

По последним данным на 2025 год, количество пользователей Интернета достигло 5,5 миллиарда, что соответствует 68 % от населения планеты. Более двух третей обитателей нашей планеты уже подключены к Интернету. Благодаря стремительному распространению Интернета резко ускорилось внедрение цифровых технологий. Нет нужды останавливаться на преимуществах цифровизации для экономики, государственного управления, науки, образования и других сфер человеческой жизни. Интернет и цифровые технологии изменили буквально всё, начиная от бизнес-моделей и кончая повседневными привычками людей.

Однако новейшие технологии всегда несут с собой новые риски и негативные последствия. Оборотная сторона всеобщей компьютеризации отмечается едва ли не в каждой популярной или научной статье, посвященной цифровизации: «использование Интернета может привести к негативным последствиям для психического и физического здоровья (неврологические процессы, сходные с другими веществами, вызывающими привыкание; развитие беспокойства, депрессии и нарциссизма, которые возникают по причине социальных сравнений, сделанных онлайн; рост числа самоубийств у подростков и т. д.), к развитию ненависти к группам меньшинств, киберзапугиванию, домогательству, утечке персональных данных, снижению ответственности, юридической неопределенности и этическим проблемам. Платформы социальных сетей и другие онлайн-форумы представляют пространство для негативных социальных взаимодействий. Исчезновение приватности, навязчивая реклама, новый цифровой тоталитаризм» (Стукаленко, 2021, С. 190.).

В этой связи, с одной стороны, наблюдается интенсификация разноуровневых процессов цифровой глобализации, то есть процесс объединения национальных экономик и обществ в единую систему посредством цифровых технологий и Интернета. Цифровая глобализация стирает географические границы, позволяя распространять идеи и услуги за доли секунды. Как отмечают российские авторы, «в широком смысле цифровая глобализация – это глобализация благодаря цифровым технологиям всех сфер мирового хозяйства, которая открывает новые возможности и полностью меняет то, как функционирует современный мир, укореняясь во всех областях жизни: политике, государственном управлении, экономике, культуре, социальной сфере» (Головенчик, 2025).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Глобализация облегчает массовое распространение разработанных влиятельными цифровыми корпорациями универсальных технологических стандартов и их использование в том или ином варианте на уровне различных суверенных государств. В свою очередь, это приводит к обратным процессам, связанным с цифровой локализацией, которая сопровождается усилением попыток некоторых современных национальных правительств в направлении снижения растущей зависимости от вводимых транснациональными корпорациями ИИ-новаций и передовых цифровых разработок. То есть, национальные государства стараются «консервировать» отдельные сегменты цифровизации, чтобы сохранить контроль и снизить риски, связанные с концентрацией технологий в чужих руках. Данная проблема является чрезвычайно актуальной, и неслучайно, что посвященные этой тематике статьи входят в число самых цитируемых согласно данным e-library. Среди самых цитируемых в данной тематике следует выделить работы С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко (Володенков, 2023), В. В. Зотова и Л. А. Василенко (Зотов, 2021).

Особую настороженность вызывает разработка своего рода синтетического контента, который не только генерируется автоматически, но и основывается на распространенных стереотипизированных представлениях, которые, в частности, могут быть не вполне истинными. В данной связи речь идет о подготовке и последующем транслировании деструктивных политико-идеологических компонент, которые направлены среди прочего на разрушение прежних социальных и иных идейно-ценностных установок, разрыв сформированных и устоявшихся политических практик, привнесение различных деструктивных аспектов и др. Немаловажную роль в этом отношении играют концепты Soft Power («мягкая сила»), как способности одних политий влиять на другие, не через принуждение, а через привлекательность идей, и Smart Power («умная сила»), как сочетание «жесткой» и «мягкой» силы для формирования выигрышной стратегии. Они привлекают внимание не только благодаря их положительному влиянию на международные отношения, но и из-за потенциальных рисков и опасностей, связанных с их неправильным использованием. Оба концепта могут реализовываться на практике для манипуляций и формирования предвзятого восприятия. Например, через культурные проекты, образовательные программы и информационные кампании можно воздействовать на сознание людей, формируя выгодные для государства образы и идеи. Таким образом, зачастую осуществляется поставка политизированных и в некоторых случаях эмоционально окрашенных и проинтерпретированных нарративов. Возникает реальная опасность манипулирования массовым сознанием и при необходимости мобилизации общества.

Благодаря современным технологиям и средствам массовой информации данные концепты могут распространяться быстрее и шире, чем традиционные методы воздействия, что создает риски для суверенитета и независимости других государств. Часто soft power («мягкая сила») и smart power («умная сила») используются для продвижения интересов одного государства на территории другого государства или группы государств, что может привести к серьезным рискам и конфликтам. Понимание этих опасностей помогает лучше осмыслить современные политические и дипломатические процессы.

В определенных условиях «мягкая сила», основанная на привлечении и убеждении, может стать инструментом политического давления. В некоторых случаях речь даже идет о поддержке ряда некоммерческих организаций (НКО), общественных движений или групп, что создает условия для политического давления. И хотя «мягкая сила» обычно ассоциируется с ненасильственными методами, она может сопровождаться экономическими рычагами, такими как торговые соглашения или инвестиционные проекты, что создает возможности для давления.

Более того, в условиях массированной информатизации современного общества и активизации введения автоматизированных систем и комплексов, продуцируемых и используемых в информационных целях, актуализируется проблематика не только распространения политически ангажированной информации, но и создания своего рода информационного шума, заглушающего качественные и конструктивные инфоповоды. Термин «информационный шум» возник еще до появления Интернета. В частности, он был описан Элвином Тоффлером в книге «Шок будущего» в 1970 году. Однако сейчас этот термин чаще всего используют применительно к медиапространству. Информационный шум

проявляется в виде бессодержательных сообщений, спам-писем, навязчивой рекламы. Это явление далеко не столь безобидно, как может показаться с первого взгляда. Переизбыток информации затрудняет поиск нужных сведений, отвлекает внимание, приводит к потере времени, вызывает тревожность и раздражение. СМИ еще с эпохи печатных газет и журналов являются одними из основных виновников информационного шума. В современных условиях обострившейся конкурентной борьбы медиа прилагают особые усилия для привлечения и удержания внимания аудитории. Справедливо отмечается: «Традиционно информационный шум делят на преднамеренный и ненамеренный. Первый представляет собой информационный фон, часто приравниваемый к дезинформированию, то есть к размыванию границ правды и вымысла. Второй рассматривается, как все помехи, влияющие на целостное восприятие картины мира реципиентом без вмешательств со стороны»[1].

В результате указанных процессов наблюдается фактическое замещение традиционных информационно-коммуникационных субъектов нейросетевыми актантами, которые не только продуцируют и поставляют различного рода информацию, но и становятся «доверенными лицами» в контексте представительства интересов целевой аудитории. В практическом плане это формирует особое цифровое пространство, в котором в целом стираются как таковые грани между реальными людьми и ботами (Коньков, 2020).

Эхо-камеры и алгоритмические пузыри

Некоторые исследователи в данном отношении обращают внимание на формирование некоторых концепций появления эхо-камер и «пузырей фильтров» (информационный пузырь, алгоритмический пузырь), которые в современных условиях беспрецедентного развития умных технологий не только задают определенные системы фильтрации информации, но и создают своего рода алгоритмизированные цифровые капсулы.

Понятие «эхо-камера» было заимствовано из области акустики – раздела физики, изучающего закономерности распространения звуковых волн. Первоначально эхо-камера означала «замкнутое пространство» (например, пещеру), а позже получила метафорическое переосмысление в монографии К. Джеймисон и Дж. Каппеллы «Эхо-камера: Раш Лимбо и консервативный медиа-истеблишмент» в качестве обозначения замкнутого медиапространства. Следует согласиться с мнением авторитетного российского специалиста в сфере политической коммуникации М. Н. Грачева, который отмечает: «Представления об эхо-камерах соотносятся с различными ситуациями, когда определенные идеи, убеждения или установки подкрепляются и усиливаются вследствие передачи соответствующих сообщений, а также их повторения внутри некоторых замкнутых коммуникационных систем. Обычно под подобными системами понимаются устойчивые сообщества, формирующиеся в социальных сетях. Однако, на наш взгляд, в качестве если не самих эхо-камер, то по меньшей мере их прообразов можно рассматривать и возникшие задолго до наступления эпохи Интернета политические организации, члены которых придерживались жестких идеологических установок, и религиозные объединения, предполагавшие строгое соблюдение установленных канонов, и различные субкультуры» (Грачёв, 2023, С. 44).

Достаточно близким к замкнутым эхо-камерам, но всё же не тождественным

[1] Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Торопова А.И., Федосеева Л.А. Информационный шум // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 10. [Электронный ресурс]. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2018/10/87654 (дата обращения: 02.03.2026).

понятием являются так называемые пузыри фильтров, которые также именуют эпистемическими или алгоритмическими пузырями. Этот термин был введен в оборот интернет-активистом Э. Паризером, опубликовавшим в 2011 г. книгу «За стеной фильтров». Под «пузырем фильтров» подразумевается изолированная информационная среда, которую создают для пользователя алгоритмы социальных сетей на основе его прошлых действий в сетях. Коренное отличие эхо-камеры от «пузыря фильтров» заключается в том, что в первом случае пользователь самостоятельно выбирает замкнутое медиапространство, которое соответствует его взглядам и интересам. В втором случае алгоритмы решают, какой контент демонстрировать тому или иному пользователю. Чтобы удержать внимание пользователя и заставить его потреблять больше рекламы, сети предлагали ему персонализированный контент, ориентируясь на его предыдущие посещения, время, затраченное на чтение тех или иных сообщений, лайки и прочее.

Эли Паризер впервые заметил, что его поместили в информационный пузырь, когда из его ленты новостей исчезли посты консервативной направленности. Сам автор – человек левых взглядов, но он считал необходимым знакомиться с альтернативной точкой зрения. Социальные сети лишили его этой возможности точно так же, как они лишают консерваторов возможности ознакомиться с точкой зрения либералов или левых активистов. «Когда вы оказываетесь за стеной фильтров, вы передаете на откуп компаниям, возводящим ее, выбор возможных для вас вариантов, – предостерегал Э. Паризер. – И каким бы властелином собственной судьбы вы себя ни считали, персонализация способна завести вас на путь информационного детерминизма, когда то, с чем вы ознакомились в прошлом, определяет то, что вы увидите далее: веб-история, которую вы обречены повторять без конца. Вы застрянете в статичной, постоянно сужающейся версии себя, в бесконечной «я-петле» (Паризер, 2012. С. 26–27).

Последствия применения фильтров, отбирающих «подходящий» для пользователя контент, состоит в поляризации общества. Попав в разные «пузыри», люди теряют способность понимать друг друга. Более того, такая практика приводит к интеллектуальному застою: когда пользователь видит только подтверждение своего мнения, он перестает критически мыслить и становится объектом манипуляции. Внутри замкнутого «пузыря» человека гораздо проще подтолкнуть к нужным политическим и коммерческим решениям. Следует также подчеркнуть, что с того времени, когда Эли Паризер обратил внимание общественности на существование скрытых фильтров, ситуация изменилась в худшую сторону.

В эпоху современных нейросетей концепция «пузыря фильтров» эволюционировала от простой сортировки контента к его полной генерации и глубокому психологическому манипулированию. Если раньше алгоритмы лишь выбирали, какую из существующих новостей показать пользователю, то сегодня нейросети создают персональную реальность в реальном времени. С развитием генеративного ИИ (ChatGPT, Midjourney) платформы могут создавать тексты, изображения и видео специально под конкретного пользователя. «Пузырь» наполняется не чужими постами, а синтезированным контентом, отражающим страхи или желания человека. Таким же образом эволюционировали эхо-камеры. Пользователи всё чаще общаются не с живыми людьми, а с ИИ-собеседниками и компаньонами. Эти нейросети запрограммированы соглашаться с пользователем,

подстраиваться под его характер и эмпатично поддакивать, создавая абсолютный, герметичный «пузырь» одобрения. Большие языковые модели (LLM) способны мгновенно анализировать психотип пользователя по его комментариям и генерировать аргументы, которые переубедят именно его. «Пузырь фильтров» стал интерактивным инструментом изменения убеждений.

В данном контексте можно упомянуть концепцию новой алгоритмической идентичности, предложенную американским исследователем Джоном Чейни-Липпольдом и описывающую процесс, в котором наша цифровая личность формируется скрытыми алгоритмами на основе анализа наших действий в Интернете. Действует так называемый алгоритмический детерминизм, то есть идентичность в Интернете, которая конструируется за нас алгоритмами маркетинговых и аналитических компаний. Алгоритмы анализируют историю наших запросов, реакцию, то есть клики, время пребывания на сайте, покупки, чтобы автоматически отнести нас к определенным категориям.

При таких обстоятельствах можно также согласиться с некоторыми научно-исследовательскими соображениями на тему распространения различных практик со стороны глобальных технологических платформ, способных отсекать массы пользователей от реального мира. Наибольшему риску подвергается молодежь, во-первых, как самый активный пользователь Интернета, во-вторых, как социальная группа, еще не имеющая необходимых навыков критического мышления. Проводя большую часть свободного времени (включая повседневное общение) в виртуальном пространстве, молодые люди не способны распознать истинную и ложную информацию, легко поддаются манипуляции и деструктивному воздействию. Впрочем, даже взрослые люди зачастую утрачивают способность осуществления самостоятельного выбора относительно того, какую информацию искать и в пользу каких новостных сюжетов высказываться (Ефанова , 2024).

Опасность цифрового тоталитаризма

Непросто ответить на вопрос, кто является главным сторонником установления цифрового тоталитаризма? Многие исследователи возлагают основную ответственность на транснациональные корпорации, давно вышедшие за рамки отдельных государств и действующие в планетарном масштабе: «Отличием цифровой среды от традиционной, доцифровой, стало то, что прежнюю монополию по контролированию коммуникационных потоков у государства стали оспаривать технологические корпорации, вкладывающиеся в разработку алгоритмов цифровых коммуникаций и технологий. Активными соперниками прежних акторов (государства, семьи, партий, школы, духовных и политических лидеров) в борьбе за формирование мировоззренческих смыслов стали инфлюэнсеры – влогеры и блогеры»[1].

Обычно в этой связи упоминается пятерка ведущих транснациональных корпораций, среди которых запрещенная в РФ американская холдинговая компания Meta Platforms, которой принадлежат социальные сети Facebook, Instagram и мессенджер WhatsApp. В ту же пятерку входят холдинг Alphabet, которому принадлежит известная поисковая система Google, а также компании Amazon, Apple и Microsoft. Однако не только эти гиганты занимаются сбором личной информации о пользователях, которая может быть использована для

[1] Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 12. – https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

идеологического воздействия и политических манипуляций. Сотни больших и малых компаний участвуют в этом процессе. В данной связи одним из известных примеров подобного информационно-коммуникационного капсулирования является функционирование американо-канадского онлайн-сервиса Spinner, который продолжительное время предоставлял соответствующие возможности для манипулирования общественным сознанием посредством поставки определенного контекстуального контента и в последующем для управления паттернами поведения пользователей.

Цифровые технологии предоставляют широчайшие возможности для контроля не только транснациональным монополиям, но и государству. В руках государства эти инструменты могут быть использованы для построения всеобъемлющей системы надзора даже с большей вероятностью. Каждый шаг человека в цифровой среде оставляет след. Имея неограниченный доступ к этим данным, государство может знать о человеке больше, чем его близкие. Сеть камер с функцией распознавания лиц в реальном времени позволяет отслеживать перемещения любого человека в городской среде. В сочетании с централизованной базой данных биометрии (отпечатки пальцев, сканы лица) это дает государству возможность мгновенно идентифицировать личность.

В то время как государство знает о гражданине всё благодаря цифровым технологиям, сам механизм принятия решений государством становится всё более непрозрачным. Решения, принятые сложными алгоритмами на основе засекреченных данных, невозможно не только оспорить, но даже понять. Контроль осуществляется через создание такой системы стимулов и ограничений, в которой человеку становится невыгодно или неудобно вести себя «неправильно». Свобода выбора формально сохраняется, но на практике человек выбирает тот вариант поведения, который ему диктует система. Граждане становятся полностью зависимыми от цифровых систем для получения базовых услуг (медицина, финансы, транспорт). Отключение от этих систем равносильно социальной смерти.

В связи с этим часто ссылаются на социальный эксперимент, который с 2014 года проводится в Китайской Народной Республике (КНР). Речь идет о внедрении системы социального рейтинга, или социального кредита. Первоначально она задумывалась для борьбы с мошенничеством в финансовой сфере и укрепления доверия в экономике. В дальнейшем эта система вышла за рамки узкой задачи борьбы с цифровыми мошенниками и эволюционировала в оценку надежности граждан, бизнеса и госслужащих. Кратко характеризуя эту систему, надо пояснить, что для бизнеса существует строгая система отчетности. Нарушение налогового законодательства, невыполнение контрактов или плохие условия труда приводит к тому, что компания попадает в черный список ненадежных партнеров. Для граждан действует несколько иная система, которая базируется на оценке соблюдения законов и финансовых обязательств. От этого зависит социальный рейтинг того или иного гражданина. Существуют городские проекты, где баллы начисляются за волонтерство и донорство, а снимаются за административные нарушения (например, безбилетный проезд).

Добросовестные граждане и компании, попавшие в красный список, пользуются привилегиями. Например, для коммерческих компаний открывается возможность получить кредит в упрощенном порядке. Для таких предпринимателей уменьшается количество плановых проверок. Они также могут получить скидку на оплату коммунальных услуг или аренду

общественного транспорта. Высокий социальный рейтинг добросовестных граждан стимулируется.

Наоборот, граждане с низким социальным рейтингом сталкиваются с рядом серьезных ограничений. Например, им запрещается занимать руководящие должности в государственных учреждениях и даже в некоторых коммерческих структурах, они сталкиваются с отказом в выдаче кредитов и ипотеки в крупных банках, им могут даже запретить покупать билеты на самолеты и скоростные поезда. Впрочем, нельзя преувеличивать репрессивные меры. Упор делается не на наказание, а на поощрение. Китайские власти указывают, что личный социальный рейтинг должен способствовать получению бонусов, а его индикаторы не должны ограничивать права граждан и их возможности пользоваться государственными услугами. Многие локальные программы являются добровольными, и в них участвует незначительная часть китайских городских жителей.

Пока в Китае не существует единой общенациональной системы оценки каждого отдельного гражданина. Система социального кредита не распространяется на иностранцев, включая туристов и студентов. Многие аспекты системы социального рейтинга пока находятся в стадии эксперимента, иногда они имеют китайскую специфику и выглядят непривычно для европейцев. Например, «власти Шанхая предложили внести в список индикаторов социального рейтинга сыновнюю почтительность (сяо, одно из ключевых понятий конфуцианской этики) – измерять сяо предполагалось, например, по тому, как часто индивид навещает родителей и насколько хорошо те питаются» (Космарский, 2021, С. 58).

Китайский эксперимент вызывает большой интерес в мире. Исследователи из КНР делают акцент на преимуществах этой системы, отмечая, что «социальный рейтинг представляет собой новое социальное, культурное и экономическое явление, систему, посредством которой формируется общественное доверие. Социальный рейтинг направлен на улучшение моральной атмосферы в китайском обществе; он становится основным фактором формирования новой социальной и политической среды, а также экономических отношений в Китае. Социальный рейтинг возможен в контексте современной ин-формационной эпохи, когда глобализация и цифровизация становятся главными тенденциями информационного развития» (Го Хань., 2025).

Западные исследователи воспринимают систему социального рейтинга в основном с алармистских позиций и подчеркивают исключительно негативные стороны. Ряд западных политиков и исследователей уподобляют социальный рейтинг «оруэлловской системе» контроля за каждым шагом человека. Другие исследователи, в частности российские, демонстрируют более взвешенный подход, указывая, что китайское общество спокойно восприняло нововведение, которое в западном мире рассматривается как худшая реализация антиутопии. Так, известный востоковед А. А. Маслов отмечал: «Население страны было готово к контролю, поскольку исторически Китай сталкивался с проблемой управления огромным количеством населения. Оно было велико во все века. Ни у одной страны в мире нет опыта управления почти полутора миллиардами человек так, чтобы не вызвать возмущения. Дело в том, что властями Китая было взято абсолютно верное направление: максимальное обеспечение со своей стороны запросов граждан. Китайские власти, будем честны, выполняют взятые на себя обязательства. Это уменьшение налогов, реальные улучшения условий жизни,

введение пенсионной системы, расширение доступа к качественному образованию, так что каждый китаец чувствует перемены на себе. На этом фоне вводить контроль за обществом было куда более безопасно, потому что этот шаг не требует от общества определенных обязательств в ответ». Вместе с тем А. А. Маслов подчеркивал китайскую специфику этого явления: «Система социального кредита фиксирует исторически сложившиеся формы поведения, и сейчас это позволяют сделать технологии. Для нас эта система не сработает, потому что здесь совершенно иные морально-нравственные императивы»[1]. В то же время другие российские авторы рассматривают китайский эксперимент как одну из самых перспективных технологий. Будущее покажет, чья оценка окажется более точной.

Искусственный разум

В последние годы проблематика рисков цифровизации еще более усугубились в связи со стремительным развитием искусственного интеллекта (ИИ). Попытки понять механизм мышления человека предпринимались с самых давних времен. Были даже попытки создать мыслящую машину. Например, средневековый испанский алхимик и богослов Раймунд Луллий сконструировал механическое устройство из системы кругов. При вращении они давали около 18 квадриллионов разнообразных сочетаний, которые можно было интерпретировать как ответы по всем отраслям знаний (Ясницкий, 2016, С.13).

Однако всерьез об интеллектуальных системах можно было заговорить только с использованием электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в 40–50-х гг. XX в. В ту эпоху появился искусственный интеллект и на Дартмутской конференции, на которой были сформулированы основные направления исследований в этой области. В 1960–70-е годы в научную и практическую деятельность были внедрены первые программы, способные решать задачи, ранее подвластные только человеческому разуму. Например, программа Deep Blue, которая научилась обыгрывать в шахматы гроссмейстеров. Затем наступил спад и некоторое разочарование в исследованиях в данной области. Но в 2000-е годы с развитием вычислительных мощностей произошло возрождение интереса к ИИ, прошло становление технологий распознавания речи и изображений. Более того, началось бурное развитие ИИ, которое только набирает обороты. Исследователи отмечают: «Такой взрывной рост обусловлен совершенствованием алгоритмов машинного обучения, обширным доступом к большим данным, повышением вычислительных возможностей и расширяющимся пониманием преимуществ ИИ в коммерческой сфере. Постоянные инвестиции от лидеров технологической индустрии в научные изыскания и разработки способствуют прогрессу в самых разнообразных экономических секторах» (Горбачева , 2025).

Иногда ИИ называют нейронной сетью, хотя это неточно. Понятие ИИ значительно шире, оно охватывает различные технологии и методы, которые позволяют машинам выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. Основные характеристики искусственного интеллекта включают способность выполнять задачи, которые обычно требуют когнитивных функций человека, таких как распознавание речи, анализ изображений и принятие решений. Современные системы ИИ могут обучаться на основе данных и опыта, что позволяет им со временем улучшать свои результаты.

[1] Маслов А.А. Что такое цифровой тоталитаризм и возможен ли он в России. [Электронный ресурс]. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e8efb879a79471cf805f2b3 (дата обращения: 08.03.2026).

ИИ становится всё более интегрированным в различные аспекты человеческой деятельности, что открывает новые возможности. Очевидно, на рынке труда грядут большие перемены. Работа, требующая выполнения стандартных рутинных операций, может быть взята на себя ИИ. Под угрозой находятся не только водители и операторы кол-центров, но также высокооплачиваемые «белые воротнички», занятые бухгалтерией, планированием и анализом. В этой сфере ИИ справится с задачами гораздо быстрее и дешевле. Могут исчезнуть такие профессии, как переводчики, так как машинный перевод делает невероятно быстрые успехи. Сильно изменится преподавание, так как часть рутинных задач, очевидно, возьмет на себя ИИ. Возникли и новые риски для тех специалистов, которые ведут занятия, поскольку «люди опасаются, что они будут заменены большими языковыми моделями» (Лукичев, 2023, С. 2446).

Прогнозы на ближайшее будущее на сей счет самые разные – от осторожных оценок, касающихся роста ВВП на десять и более процентов, до эйфорических предсказаний, что человеку вскоре вообще не придется трудиться, так как всё возьмет на себя ИИ. В технологических компаниях есть фанаты искусственного разума. Они называют ИИ «цифровым богом». Одним из поклонников этого божества является сооснователь компании Google Ларри Пейдж. Есть немало специалистов, которые называют преувеличенными и раздутыми надежды и опасения насчет ИИ, подчеркивая, что нейросети на самом деле не способны самостоятельно думать, а только выдают ответы.

Вместе с тем, риски и угрозы в этой сфере существуют, о чес свидетельствует реакция на них. Так, в 2023 году тысяча экспертов в этой области ИИ, среди которых были сооснователь Apple Стив Возняк и сооснователь Pinterest Эван Шарп, подписали открытое письмо с призывом приостановить разработку и обучение нейросетей. Особую тревогу выражает известный предприниматель Илон Маск, который заявил на Всемирном экономическом форуме в Давосе: «Возможно, к 2030 или 2031 году, то есть через пять лет, ИИ будет умнее всего человечества»[1].

Развитие и совершенствование ИИ, как ни печально это констатировать, способствует появлению и мгновенному распространению так называемых дипфейков (deepfake). Дело в том, что нейронные сети научились создавать аудио и видео, практически неотличимые от реальных. Впервые опасность данного явления была продемонстрирована в июне 2017 г., когда появилось фальшивое видео президента Обамы, произносящего речь с нецензурной бранью. Распространение этого дипфейка не имело криминальной цели, а было создано исследователями Вашингтонского университета, чтобы показать, какие опасности несет новая технология. Этот эксперимент вызвал глубокий шок, так как публика не могла распознать фальшивку. Возник закономерный вопрос: если кто-то изготовит дипфейк выступления одного из мировых лидеров с объявлением ядерной войны, к каким необратимым последствиям это может привести?

Девять лет назад для изготовления первого дипфейка потребовались тысячи часов работы команды высококвалифицированных специалистов. К настоящему времени технологии продвинулись гораздо дальше, и программы, позволяющие

[1] Коммерсант, 22.01.2026. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8364990 (дата обращения: 08.03.2026).

выполнить подобную работу с гораздо меньшими затратами, стали общедоступными. В большинстве случаев дипфейки сейчас изготавливаются интернет-мошенниками с целью выманить деньги у обманутых жертв, которым присылают фальшивые видео с родственниками, попавшими в беду, и так далее.

Но всё увеличивается число случаев, когда дипфейки распространяются с политическими целями как компромат на противников или для поддержки своей партии. В 2023 г. в Бангладеш во время выборов появились созданные при помощи ИИ видео, в которых кандидаты якобы объявляли о своем выходе из выборов и призывали голосовать за других. В некоторых странах получили распространение видео, в которых известные политики, такие как премьер-министр Канады Джастин Трюдо, были изображены в компрометирующих ситуациях. Совсем недавно, уже в 2025 г., некий самозванец, используя искусственный интеллект, связался по меньшей мере с пятью высокопоставленными правительственными чиновниками, включая министров, и разговаривал с ними голосом государственного секретаря Марко Рубио. Россия тоже подверглась испытанию дипфейками, хотя и не на таком высоком уровне. В июле 2025 года по почте была распространена ссылка на ролик с дипфейком мэра Казани.

Опасность подобных дипфейков, сгенерированных ИИ, заключается в том, что они стирают грань между реальным и виртуальным миром, дезориентируют пользователей и порождают недоверие к официальным лицам и их заявлениям. В данном случае искусственный интеллект выступает средством манипуляции общественным мнением. Более того, ИИ, а фактически сеть, состоящая из ботов, может играть самостоятельную роль и генерировать контент вообще без участия человека. Кстати, выявляемые исследователями боты отвечали друг другу, заимствовали изображения, имитируя поведение людей, тем самым создавая иллюзию реального общения для неподготовленного внешнего наблюдателя (Федорченко, 2026).

Цифровизация сама по себе не является злом. Проблема заключается в том, кто владеет данными и как они используются. Между тем на Западе уже громко заявили о себе сторонники использования ИИ для установления полного контроля над миром. Совсем недавно в социальной сети X был опубликован манифест Palantir, инициировавший широкую дискуссию в научно-экспертном сообществе – политологов, ИТ-специалистов, международников, философов. По сути, этот программный документ представляет собой краткое изложение книги генерального директора американской IT-компании Palantir Technologies Алекса под названием «Технологическая республика». Характеризуя эту корпорацию, специалисты отмечают: «Для лучшего понимания тезисов следует отметить, что «Palantir» сегодня и есть «Большой Брат». Это уже не просто компания с многомиллиардным оборотом – это воплощение самого Запада и его технологического превосходства. При соприкосновении с чем-то цифровым мы мгновенно попадаем в зону его слежения. Всё, что мы говорим, пишем и делаем вблизи даже выключенного девайса, мгновенно становится достоянием этой системы наблюдения. По сути, «Palantir» – это созданная Матрица, которая предлагает человечеству путь под тотальный контроль»[1].

Манифест провозглашает: «Атомная эпоха заканчивается. Один ядерный век сдерживания уходит, и ему на смену приходит новая эра сдерживания, построенная на ИИ». Многие эксперты охарактеризовали этот манифест как

[1] Смирнов А., Кохтюлина И. Трилемма манифеста «Palantir»: ИИ подрывает миропорядок? [Электронный ресурс]. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/55687 (дата обращения: 01.06.2026).

декларацию крайне правых взглядов и технократического национализма. Аналитики указывают на опасность подобных идей: игнорирование ответственности за ошибки ИИ и эскалацию международных конфликтов. Таким образом, ИИ превращается в инструмент агрессивной политики.

Государственное управление и вызовы цифровой эпохи

Баланс между безопасностью, эффективностью управления и сохранением фундаментальных прав и свобод человека становится главной задачей XXI века. Внедрение цифровых технологий открыло перед государством и обществом широчайшие возможности, которые могут быть использованы как во благо, так и во зло. Общество должно активно защищать права человека, не допуская чрезмерного государственного контроля под каким бы то ни было предлогом. Данная проблематика актуализирует множество различных системных проблем формулирования перспективных направлений государственной политики и осуществления публичного управления общественными процессами. С учетом этого можно обозначить как минимум следующие основополагающие цифровые риски государственного управления в современных условиях:

1. Слабая контролируемость либо неконтролируемость (равно как и непрогнозируемость) алгоритмизации существующих общественно-политических отношений.
2. Непрозрачность нейросетевых алгоритмов (эффект «черного ящика», рекурсивность – привязка цифровыми алгоритмами прогнозируемых показателей к предыдущим наблюдениям).
3. Манипулятивность решений и действий цифровых корпораций с использованием больших языковых моделей (LLM).
4. Алгоритмическая дискриминационность социально-политических групп (рейтингование).

Логической перспективой развития данных цифровых рисков является планомерное разрушение устоявшихся традиционных для данного общества социальных связей и взаимодействий, которые постепенно заменяются некоторыми цифровыми аналогами, стимулирующими, в свою очередь, распространение эгоцентризма, индивидуальное выражение собственного мнения (зачастую в анонимном формате), непринятие противоположной позиции и др. К подобным трансформационным изменениям социально-политической архитектуры также необходимо адаптировать инструментарий реализации целей государственного управления.

Соответственно, в данной связи актуализируется запрос на формулирование приоритетных направлений осуществления корректировки реализуемой модели государственного управления в контексте негативных последствий развития трансформационных цифровых процессов[1]. Например, речь может идти о таких проблемных особенностях интенсивного использования «цифры» в рамках достижения задач государственного управления, как распространение тенденций некачественного применения современных алгоритмических систем, задействование современного цифрового инструментария с целью установления слежки и осуществления кибершпионажа, грубое вторжение в частную жизнь человека, нарушение автономии личности, десуверенизация государства и т. д.

[1] Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. – Т. 21. – № 2. – С. 24–48.

Также речь может идти, в частности, и о проявлении непрозрачности задействуемых нейросетевых алгоритмов, которые в данном случае воспринимаются как своего рода черные ящики, результаты использования которых не только слабо контролируются, но и могут привести к непредвиденным последствиям. В свою очередь, это актуализирует в научно-исследовательском сообществе углубленный анализ феномена рациональной безотчетности (rationalized unaccountability) как новой идеологии осуществления политико-властных и политико-контрольных функций с учетом использования специально разработанных алгоритмических способов через программы интеллектуальных агентов.

При этом необходимо иметь в виду некоторые преимущества, которые появляются в рамках активного включения цифровых инструментов в политико-управленческие процессы. В этом контексте в качестве примера приводится тезис о том, что наблюдаемое сегодня формирование рекурсивных обществ характеризуется не преобладанием изолированных циклов, которые свойственны классическому вертикальному варианту государственной власти, а трансформацией социально-политической коммуникации с использованием специальных баз данных (data coiling) в направлении повышения эффективности действия принципа обратной связи. В данном случае государство как ключевой политический институт получает более оперативную и качественную информацию о текущем положении дел в обществе.

Вместе с тем следует особо обратить внимание на то, что некачественное регулирование цифровизации процессов государственного управления (прежде всего, в контексте недостатка необходимой законодательной базы) может привести среди прочего к тому, что государство будет трансформироваться в своего рода брокера данных, который условно передает большую часть функционала политико-управленческого контроля на аутсорсинг представителям бизнеса в сфере цифровой индустрии. В данной связи целесообразно акцентировать внимание на адаптации к меняющимся условиям запуска новых цифровых платформ, использования различных видов обновленного социального рейтингования, осуществления качественного репутационного контроля и автоматизации наблюдательных функций (Аршин, 2022).

Вместе с тем безусловным предварительным условием реализации эффективного государственного управления в современных цифровых условиях является активизация соответствующего междисциплинарного научно-исследовательского диалога на основе имеющихся достижений не только технических и естественных наук, но и социальных и гуманитарных наук. В данной связи также необходимо уточнить имеющуюся научную терминологию в контексте использования цифровых технологий, которая в последующем подлежит включению в обновляемую, либо вновь создаваемую нормативно-правовую базу. Например, в научном дискурсе стоит разъяснять отличие таких дефиниций как «управление с помощью ИИ» (governance by AI) от «управления ИИ» (governance of AI).

Дополнительно имеются в виду и проблемы, связанные с появлением и распространением различных форм дискриминации и неравенства, а также с появлением новых практик доминирования и подчинения на государственном уровне в условиях столь динамично меняющейся цифровой реальности, которые также требуют активного научного осмысления (Знаменский, 2022). В подобных условиях в некоторых источниках применительно к оценке потенциала можно

встретить дефиницию «политический искусственный интеллект», под которым, как правило, понимается некоторая совокупность различных интеллектуальных приложений в политической сфере.

Более того, всё более наглядно во многих современных цифровых обществах прослеживаются тенденции, связанные с отсутствием четкого разделения наблюдаемых рисков цифровизации. В частности, здесь можно сделать отсылку в части неразграничения либо слабого разграничения, с одной стороны, цифровых угроз возникновения новых трендов управления и манипулирования массовым сознанием, с другой стороны, цифровых угроз нарушения конфиденциальности личной информации и сбора персональных данных о гражданской активности, голосовании на выборах, поддержке конкретных тем политической повестки и др. В этой связи предпринимаются соответствующие попытки реконцептуализации уже имеющихся научно-исследовательских разработок в сфере ИИ и цифровых технологий, которые содержат некоторые элементы государственного управления, во-первых, мягкого воздействия на идентификационные процессы и процессы изменения общественного сознания с учетом нарративов биополитики, во-вторых, появления новых вариантов обеспечения государственного принуждения в контексте действия новых режимов функционирования интеллектуальных систем.

Поскольку наиболее популярные и успешные ИИ-инструменты генерируются в американских научно-исследовательских центрах (более того, именно в США в целом плодотворно заработала практика стартапов в области искусственного интеллекта – в данной связи можно отметить такие как Scale AI, Mistral AI, Cerebri AI и др.), то, как правило, вводимые цифровые технологии имеют определенную «западную выраженность». В результате ChatGPT и ее аналоги являются своего рода мощным глобальным инструментом транслирования западных идейно-ценностных и мировоззренческих концептов в мировом масштабе[1].

В пользу этого также свидетельствует некоторая статистика – например, в числе ведущих американских Think Tank и научно-исследовательских лабораторий, которые занимаются разработкой различных цифровых технологий, такие как Исследовательский центр Эймса (Ames Research Center, ARC), Исследовательский центр Томаса Дж. Уотсона (Thomas J. Watson Research Center), Лаборатория компьютерных наук и искусственного интеллекта Массачусетского технологического института (MIT Computer Science and Artificial Intelligence Laboratory, CSAIL) и др. Более того, по данным Financial Times, в 2025 году венчурные инвесторы в США вложили в ИИ-стартапы рекордные $161 млрд, что в несколько раз превосходит аналогичные показатели КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследовательского анализа авторы сформулировали ряд важных выводов.

Во-первых, в контексте обсуждения проблематики распространения различных современных цифровых практик в системе государственного управления более всего проблематизируется соответствующая группа рисков, связанная с последовательным углублением образовавшегося кризиса доверия, который также подлежит рассмотрению как минимум в двух проблемных ипостасях (Володенков, 2023): во-первых, с позиции транслирования общественного недовольства принимаемыми в государстве политическими решениями

[1] См. подробнее: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – № 1. – С. 113–133.

(социальная справедливость); во-вторых, с позиции восприятия использования ИИ-инструментария как искомой верной интенции с точки зрения безошибочности и утраты собственных суждений («оцифрованное» целеполагание). Однако в таких условиях всё более четко очерчивается тема понимания и обеспечения ответственности (в том числе политической), поскольку на сегодняшний день данная проблематика находится если не в черной, то, скорее всего, в серой зоне(Слуцкая, 2020).

И в подтверждение этому можно вспомнить, например, два американских кейса. Первый кейс связан с деятельностью оборонной корпорации Anduril, которая создавала целые «виртуальные стены» на государственной границе США с использованием наблюдательных дронов, сторожевых вышек, а также обрабатывающих их данные интеллектуальных систем. Второй кейс связан со стартапом Brinc Drones – рекламированием специального оборудования, которое можно применять в отношении иммигрантов на американо-мексиканской границе (примечательно, что данная компания разрабатывает дроны для полиции и экстренных служб США с 2017 года). Однако в данной связи актуализируется вопрос не только нормативно-правовой, но и этической плоскости.

Во-вторых, особо следует сделать акцент на том, что в подобных цифровых реалиях не только задается направление и контекст формирования устойчивой системы социально-политических представлений граждан, но и формируется тренд в сторону определенных моделей поведения, схем действий, практических руководств к интеграции совместных усилий и пр., что вполне естественно вписывается в логику ортопраксии. При этом, как отмечает большинство современных зарубежных и российских исследователей (Авцинова, 2022), неотрефлексированное внедрение цифровых технологий в разноуровневые процессы государственного управления всё же должно сопровождаться весомой долей скепсиса именно ввиду порождения огромного количества проблем и противоречий, связанных среди прочего с архаизацией, усилением централизма политической власти, псевдоцифровизацией, углублением зависимости от притока высококвалифицированных специалистов из-за рубежа и др.

В данной связи усиливается рискогенность конструируемого нового цифрового пространства публичной политики и государственного управления, в частности, в контексте действий, осуществляемых гейткиперами общества – модераторами правил и цензорами общественно-политического дискурса. Задача подобных общественных (а в некоторых случаях политических) сил заключается в формировании и распространении новой системы идей и ценностей, которые были бы считаны теми, кто обладает сниженными аналитическими способностями и может стать потенциально удобной мишенью для переустройства общества по абсолютно новым лекалам.

В-третьих, данная проблематика приобретает абсолютно иную коннотацию в контексте обеспечения цифрового суверенитета государства (который в современных условиях продолжает оставаться сугубо номинальным) в том смысле, что фактически национальные правительства постепенно теряют политический контроль относительно происходящих столь масштабных трансформаций информационно-коммуникационного влияния на массовое сознание, поскольку речь идет о кардинальных изменениях на уровне ценностно-смысловых кодов и мировоззренческих компонент. Неслучайно битва за реальную независимость государств наиболее активно сегодня разворачивается именно в глобальном цифровом пространстве, а претендующие на суверенное развитие страны

стремятся к созданию собственных независимых нейросетевых решений на основе национальных научно-исследовательских разработок.

Список литературы:

1. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. – 2022. – № 2. – С. 101–113. EDN: VCAZYW
2. Аршин К.В. Цифровизация как элемент управления миграционной политикой // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 4 (80). – С. 1154–1161. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.019 EDN: XTTTWJ
3. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Новые социально-политические вызовы государственному суверенитету в цифровую эпоху (по материалам международного экспертного исследования) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – Т. 1. – № 6. – С. 31–57. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-31-57 EDN: AXAVSV
4. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. – Т. 21. – № 2. – С. 24–48.
5. Знаменский Д.Ю. Тренд цифровизации и государственная политика Российской Федерации в сфере науки и технологий // PolitBook. – 2022. – № 1. – С. 146–157. EDN: NDGICA
6. Зотов В.В., Василенко Л.А. Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления // Управленческое консультирование. – 2021. – № 5. – С. 98–109. – DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-98-109. EDN: UZWKWY
7. Го Хань. Система социального рейтинга в Китае, ее влияние на общество и конкретное воплощение на примере платежной платформы Alipay // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 3. – С. 74–79. – DOI: 10.24158/tipor.2025.3.9 EDN: ZOXINQ
8. Головенчик Г.Г., Ковалев М.М. Цифровая глобализация: мировые тренды, влияние на рост и интернационализацию национальных экономик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2025. – Т. 33. – № 3. – С. 357–381. DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-3-357-381 EDN: DTXCMZ
9. Горбачева Т.А. Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2025. –№ 1. –С. 96–105. –DOI: 10.47576/2949-1894.2025.1.1.014 EDN: VEKLBK.
10. Грачёв М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. – 2023. – № 29. – С. 41–54. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-29-41-54. EDN: ARGKFX
11. Ефанова Е.В. Цифровизация политики и электронное голосование: особенности и национальный опыт // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 242–248. DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-242-248 EDN: HWGVLY
12. Знаменский Д.Ю. Тренд цифровизации и государственная политика Российской Федерации в сфере науки и технологий // PolitBook. – 2022. – № 1. – С. 146–157. EDN: NDGICA

13. Космарский А.А. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна // Социодиггер. – 2021. – Т. 2. – Вып. 1–2 (7). – С. 55–60. EDN: NDGICA

14. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 47–68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104 EDN: DOKOFB

15. Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Риски применения искусственного интеллекта в краткосрочном периоде // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 2443– 2458. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119359 EDN: SDOAGS

16. Паризер Эли. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 293 с.

17. Слуцкая Л.В. Диверсификация политического пространства в сфере публичной политики в условиях цифровизации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2020. – Т. 12. – № 23. – С. 137–143. EDN: BGHKOM

18. Стукаленко Е.А. Риски цифровизации жизни населения и пути их снижения // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 4, ч. 1. – С. 180–203. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-180-203. EDN: LWGSIM

19. Федорченко С.Н. Искусственный интеллект в политическом прогнозировании: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2026. – Т. 28. – №. 1. – С. 129–148. – DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-129-148.

20. Ясницкий Л.Н. Интеллектуальные системы. – М.: Лаборатория знаний, 2016. – 222 с. ISBN: 978-5-906828-73-6 EDN: WCGNOR

References:

1. Avtsinova G.I. (2022) State policy of digitalization in modern Russia: concept, concepts, development trends. *PolitBook*. no. 2. Pp. 101–113. EDN: VCAZYW

2. Arshin K.V. (2022) Digitalization as an element of migration policy management. *Issues of Political Science*. Vol. 12. no. 4 (80). Pp. 1154–1161. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.019 EDN: XTTTWJ

3. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. (2023) New socio-political challenges to state sovereignty in the digital age (based on materials from an international expert study). *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*. Vol. 1. no. 6. Pp. 31–57. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-31-57 EDN: AXAVSV

4. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Risks of Using Artificial Intelligence Algorithms in the Socio-Political Sphere: A Review of Modern Scientific Works. Discourse-Pi. Vol. 21. no. 2. Pp. 24–48.

5. Znamensky, D.Yu. (2022)The trend of digitalization and the state policy of the Russian Federation in the field of science and technology. *PolitBook.* no. 1. Pp. 146–157. EDN: NDGICA

6. Zotov, V.V., Vasilenko, L.A. (2021) The impact of digitalization on the transformation of public administration methodology. *Management consulting*. no. 5. pp. 98-109. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-98-109. EDN: UZWKWY

7. Guo, Han. (2025) The social credit system in China, its impact on society, and its concrete implementation in the example of the Alipay payment platform. *Theory and Practice of Social Development.* no. 3. Pp. 74–79. DOI: 10.24158/tipor.2025.3.9. EDN: ZOXINQ

8. Golovenchik, G.G., Kovalev M.M. (2025) Digital globalization: global trends, impact on growth and internationalization of national economies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. Vol. 33. no. 3. Pp. 357–381. DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-3-357-381 EDN: DTXCMZ

9. Gorbacheva, T.A. (2025) Artificial Intelligence: Risks and Challenges of Implementation in the Russian Federation. Inn*ovative Economy: Information, Analytics, Forecasts.* no. 1. Pp. 96–105. – DOI: 10.47576/2949-1894.2025.1.1.014 EDN: VEKLBK

10.Grachev, M.N. (2023) Echo chambers, epistemic bubbles, and filter bubbles as actors in the networked communication space. *Russian School of Public Relations.* no. 29. Pp. 41–54. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-29-41-54. EDN: ARGKFX

11.Efanova, E.V. (2024) Digitalization of politics and electronic voting: features and national experience. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. Vol. 8. no. 2. Pp. 242–248. DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-2-242-248 EDN: HWGVLY

12.Znamensky, D.Yu. (2022) The trend of digitalization and the state policy of the Russian Federation in the field of science and technology. *PolitBook.* no. 1. Pp. 146–157. EDN: NDGICA

13.Kosmarsky, A.A. (2021) Chinese social rating: a trust technology for a new modern society. *Sotsiodigger*. Vol. 2. Issue 1–2 (7). Pp. 55–60. EDN: NDGICA

14.Konkov, A.E. (2020) Digitalization of politics vs. politics of digitalization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. International relations*. Vol. 13. no. 1. Pp. 47–68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104 EDN: DOKOFB

15.Lukichev, P.M., Chekmarev, O.P. (2023) Risks of Using Artificial Intelligence in the Short Term. *Issues of Innovative Economy*. Vol. 13. no. 4. Pp. 2443–2458. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119359 EDN: SDOAGS

16.Parizer, Eli. (2012) *Behind the Wall of Filters. What Does the Internet Hide from You?* Moscow: Alpina Business Books. 293 p.

17.Slutskaya, L.V. (2020) Diversification of the political space in the sphere of public policy in the context of digitalization. *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. Vol. 12. no. 23. Pp. 137–143. EDN: BGHKOM

18.Stukalenko, E.A. (2021) Risks of Digitalization of the Population's Life and Ways to Reduce Them. *Ideas and Ideals.* Vol. 13. no. 4, Part 1. Pp. 180–203. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-180-203. EDN: LWGSIM

19.Fedorchenko, S.N. (2026) Artificial intelligence in political forecasting: opportunities and limitations. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* Vol. 28. no. 1. Pp. 129–148. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-129-148.

20.Yasnitsky, L.N. (2016) *Intelligent Systems.* Moscow: Laboratoriya znaniy. 222 p. ISBN: 978-5-906828-73-6 EDN: WCGNOR

Сведения об авторах:

Михайлова Наталья Вячеславовна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы и народов имени Патриса Лумумбы, адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: Natalya_m@mail.ru, SPIN-код: 8366-7150, Author ID: 613432, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2842-9143

Степанов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы и народов имени Патриса Лумумбы, адрес:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: Stepanov-sa@pfur.ru, SPIN-код: 6332-0047, Author ID: 613434, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4682-0445

Зорин Владимир Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра этноконфессиональных исследований и изучения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук, адрес: 119334, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а, e-mail: v.y.zorin@mail.ru , SPIN-код: 3134-6898, Author ID: 327984, https://orcid.org/ 0000-0003-1344-5765

Иванова Екатерина Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы и народов имени Патриса Лумумбы, адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: ivanova_eka@rudn.ru, SPIN-код: 7723-2668, Author ID: 622261, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7350-6123

About the author:

Mikhailova Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, e-mail: Natalya_m@mail.ru , SPIN code: 8366-7150, Author ID: 613432, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2842-9143

Stepanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, e-mail: Stepanov-sa@pfur.ru , SPIN code: 6332-0047, Author ID: 613434, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4682-0445

Vladimir Yurievich Zorin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, address: 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, e-mail: v.y.zorin@mail.ru , SPIN-code: 3134-6898, Author ID: 327984, ORCID: https://orcid.org/ 0000-0003-1344-5765

Ekaterina Alexandrovna Ivanova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Public Policy and History of State and Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, e-mail: ivanova_eka@rudn.ru , SPIN code: 7723-2668, Author ID: 622261, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7350-6123

© Михайлова Н.И, Степанов С.А, Зорин В.Ю., Иванова Е.А.,2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license *https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/*